

Коллектив авторов Серебряный век. Лирика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8953671
Серебряный век : лирика: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78832-3

Аннотация

В сборник поэзии «Серебряный век» вошли лучшие и самые известные строки величайших русских поэтов, творивших в конце XIX – начале XX века. И. Анненский, К. Бальмонт, Н. Гумилев, А. Ахматова, Б. Пастернак, В. Маяковский, С. Есенин – эти и многие другие имена составляют славу русской литературы. И по сей день поэзия этих выдающихся творцов остается неповторимой и непревзойденной по красоте слога и высокой духовности.

Содержание

Владимир Соловьев (1853–1900)	7
«Природа с красоты своей...»	7
«В сне земном мы тени, тени...»	8
«Земля – владычица! К тебе чело склонил я...»	9
«Потому ль, что сердцу надо...»	10
«Вся в лазури сегодня явилась...»	11
«Три дня тебя не видел, ангел милый...»	12
«День прошел с суетой беспощадною...»	13
Иннокентий Анненский (1856–1909)	14
Среди миров	14
Я люблю	15
Бабочка газа	16
«Когда б не смерть, а забытье...»	17
Снег	18
Что счастье?	19
Весенний романс	20
Петербург	21
Осенний романс	22
Две любви	23
Константин Фофанов (1862–1911)	24
«Печальный румянец заката...»	24
«Звезды ясные, звезды прекрасные...»	25
Стансы	26
Элегия	27
Семен Надсон (1862–1887)	28
Идеал	28
Романс	29
Иуда	30
«Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею...»	35
«Вся в кустах утонула беседка...»	36
«Душа наша – в сумраке светоч приветный...»	37
Памяти Ф. М. Достоевского	38
«Если любить – бесконечно томиться...»	39
«Не вини меня, друг мой, – я сын наших дней...»	40
«Давно в груди моей молчит негодование...»	41
«Только утро любви хорошо: хороши...»	42
«Довольно я кипел безумной суетою...»	43
«Наше поколение юности не знает...»	44
«Как каторжник влачит оковы за собой...»	45
Федор Сологуб (1863–1927)	46
«Люблю тебя, твой милый смех люблю...»	46
«Я – бог таинственного мира...»	47
«Люблю блуждать я над трясинаю...»	48
Ирина	49
Расточитель	51
«Пылают мрачно адовы...»	52

Вячеслав Иванов (1866–1949)	53
Ясность	53
Русский ум	54
Поэты духа	55
Озимь	56
Раскаяние	57
Полнота	58
Хвала солнцу	59
Раскол	60
Целящая	61
Истома	62
К. Бальмонту	63
Сердце Диониса	64
Троицын день	65
Александру Блоку	66
Сонет из Петрарки	67
Поэзия	68
Памяти Скрябина	69
Счастье	70
Константин Бальмонт (1867–1942)	71
Челн томленья	71
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	72
В душах есть всё	73
«Слова любви, не сказанные мною...»	76
Хвала сонету	77
Безглагольность	78
«Она отдалась без упрека...»	79
«Я – изысканность русской медлительной речи...»	80
«Будем как солнце! Забудем о том...»	81
Осень	82
«Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть...»	83
Россия	84
Моя любовь	85
Зинаида Гиппиус (1869–1945)	87
Бессилие	87
Ты любишь?	88
Сонет	89
Любовь	90
До дна	91
Предел	92
ХРИСТИАНИН	93
«Я»	94
Что есть грех?	95
Нагие мысли	96
Все кругом	97
Свобода	98
Непредвиденное	99
Тише	100
«Петроград»	101

Белое	102
Второе рождество	103
Страшное	104
Непоправимо	105
Липнет	106
Сейчас	107
Нет	108
Валерий Брюсов (1873–1924)	109
Первый снег	109
Творчество	110
Сонет к форме	111
Предчувствие	112
Юному поэту	113
Тени прошлого	114
Женщине	115
Я	116
ВОЗВРАЩЕНИЕ	117
«Неколебимой истине...»	118
Облака	119
Последнее желанье	120
Нить Ариадны	121
Блудный сын	122
КИНЖАЛ	123
Конь блед	124
«Воздух становится синим...»	126
Сумерки	127
Хвала человеку	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Серебряный век. Лирика

© Новгородова М. И., 2015

© Пастернак Б. Л., наследники, 2015

© Городецкий С. М., наследники, 2015

© Составление, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Владимир Соловьев (1853–1900)

«Природа с красоты своей...»

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

1872

«В сне земном мы тени, тени...»

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел:
Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел.
Голос вещей не обманет.
Верь, проходит тень, –
Не скорби же: скоро встанет
Новый вечный день.

9 июня 1875

«Земля – владычица! К тебе чело склонил я...»

Земля – владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такою негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетание
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

Пустынька. Май 1886

«Потому ль, что сердцу надо...»

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;

Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути
И с тобой, тобой одною,
Мог я счастье найти, –

Оттого ли, потому ли, –
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.

Между 9 и 15 июня 1892

«Вся в лазури сегодня явилась...»

Вся в лазури сегодня явилась
Предо мною царица моя, –
Сердце сладким восторгом забилося,
И в лучах восходящего дня
Тихим светом душа засветилась,
А вдали, догорая, дымилось
Злое пламя земного огня.

1875

«Три дня тебя не видел, ангел милый...»

Три дня тебя не видел, ангел милый, –
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди.

А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом все в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.

О милая! Все гордое сознание,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.

31 января 1892

«День прошел с суетой беспощадною...»

День прошел с суетой беспощадною.
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно паришь.

Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Погловило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.

Днем луна, словно облако бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи – перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

Иннокентий Анненский (1856–1909)

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, то с Ней не надо света.

1901

Я люблю

Я люблю замирание эхо
После бешеной тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха
Я истомы люблю полосу.

Зимним утром люблю надо мною
Я лиловый разлив полутьмы,
И, где солнце горело весною,
Только розовый отблеск зимы.

Я люблю на бледнеющей шири
В переливах растаявший цвет...
Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзвука нет.

Бабочка газа

Скажите, что случилось со мной?
Что сердце так жарко забилося?
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?
В нем сила иль мука моя,
В волненьи не чувствую сразу:
С мерцающих строк бытия
Ловлю я забытую фразу...
Фонарь свой не водит ли тать
По скопищу литер унылых?
Мне фразы нельзя не читать,
Но к ней я вернуться не в силах...
Не вспыхнуть ей было невмочь,
Но мрак она только тревожит:
Так бабочка газа всю ночь
Дрожит, а сорваться не может...

«Когда б не смерть, а забытие...»

Когда б не смерть, а забытие,
Чтоб ни движения, ни звука...
Ведь если вслушаться в нее,
Вся жизнь моя – не жизнь, а мука.

Иль я не с вами таю, дни?
Не вяну с листьями на кленах?
Иль не мои умрут огни
В слезах кристаллов растопленных?

Иль я не весь в безлюдье скал
И черном нищенстве березы?
Не весь в том белом пухе розы,
Что холод утра оковал?

В дождинках этих, что нависли,
Чтоб жемчугами ниспадать?..
А мне, скажите, в муках мысли
Найдется ль сердце сострадать?

Снег

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенски синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег –
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны –
На томительной грани
Всесожженья весны.

Что счастье?

Что счастье? Чад безумной речи?
Одна минута на пути,
Где с поцелуем жадной встречи
Слилось неслышное прости?

Или оно в дожде осеннем?
В возврате дня? В смыканьи вежд?
В благах, которых мы не ценим
За неприглядность их одежд?

Ты говоришь... Вот счастье бьется,
К цветку прильнувшее крыло,
Но миг – и ввысь оно взовьется
Невозвратно и светло.

А сердцу, может быть, милей
Высокомерие сознания,
Милее мука, если в ней
Есть тонкий яд воспоминанья.

Весенний романс

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит.
Через притворенную дверь
Ты сердце шелестом тревожишь...
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь...

Петербург

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.
Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.
Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.
А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.
Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.
Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.
Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

1909

Осенний романс

Гляжу на тебя равнодушно,
А в сердце тоски не уйму...
Сегодня томительно душно,
Но солнце таится в дыму.
Я знаю, что сон я лелею,
Но верен хоть снам я, – а ты?..
Ненужною жертвой в аллею
Падут, умирая, листья...
Судьба нас сводила слепая:
Бог знает, мы свидимся ль там...
Но знаешь?.. Не смейся, ступая
Весною по мертвым листьям!

1903

Две любви

С. В. ф. – Штейн

Есть любовь, похожая на дым;
Если тесно ей – она дурманит,
Дай ей волю – и ее не станет...
Быть как дым, но вечно молодым.
Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит – тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

Константин Фофанов (1862–1911)

«Печальный румянец заката...»

Печальный румянец заката
Глядит сквозь кудрявые ели.
Душа моя грустью объята, –
В ней звуки любви отзвенели.
В ней тихо, так тихо-могильно,
Что сердце в безмолвии страдает, –
Так сильно, мучительно сильно
И песен и слез оно жаждет.

Август 1883

«Звезды ясные, звезды прекрасные...»

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листки изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали цветам сказки нежные, —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля под весенними ласками
Наряжалась тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!

Декабрь 1885

Стансы

И наши дни когда-нибудь века
Страницами истории закроют.
А что в них есть? Бессилье и тоска.
Не ведают, что рушат и что строят!

Слепая страсть, волнуясь, живет,
А мысль – в тиши лениво прозябает.
И все мы ждем от будничных забот,
Чего-то ждем... Чего? Никто не знает!

А дни идут... На мертвое «вчера»
Воскресшее «сегодня» так похоже!
И те же сны, и тех же чувств игра,
И те же мы, и солнце в небе то же!..

Октябрь 1888

Элегия

Папироса... Еще и еще папироса...
Я курю и в окошко смотрю.
Над водою все ласточки кружатся косо.
Покурил. Закурил. И курю.

Мысли – злы. Для мучений больного вопроса
Нет ответа иль бледен ответ.
Папироса. Еще и еще папироса...
А забвения думам мучительным – нет.

Пепел стол весь усыпал... С тупого откоса
В пруд сбегает утята толпой.
Папироса. Еще и еще папироса...
Как все глупо, старо, Боже мой!

24 января 1909

Семен Надсон (1862–1887)

Идеал

Не говори, что жизнь – игрушка
В руках бессмысленной судьбы,
Беспечной глупости пирушка
И яд сомнений и борьбы.
Нет, жизнь – разумное стремленье
Туда, где вечный свет горит,
Где человек, венец творенья,
Над миром высоко царит.

Внизу, воздвигнуты толпою,
Тельцы минутные стоят
И золотою мишурою
Людей обманчиво манят;
За этот призрак идеалов
Немало сгибнуло борцов,
И льется кровь у пьедесталов
Борьбы не стоящих тельцов.

Проходит время, – люди сами
Их свергнуть с высоты спешат
И, тешась новыми мечтами,
Других тельцов боготворят;
Но лишь один стоит от века,
Вне власти суетной толпы, –
Кумир великий человека
В лучах духовной красоты.

И тот, кто мыслию летучей
Сумел подняться над толпой,
Любви оценит свет могучий
И сердца идеал святой;
Он бросит все кумиры века,
С их мимолетной мишурой,
И к идеалу человека
Пойдет уверенной стопой!

27 июня 1878

Романс

Я вас любил всей силой первой страсти.
Я верил в вас, я вас боготворил.
Как верный раб, все иго вашей власти
Без ропота покорно я сносил.

Я ждал тогда напрасно сострадания.
Был холоден и горд ваш чудный взгляд.
В ответ на яд безмолвного страдания
Я слышал смех и колких шуток ряд.

Расстались мы – но прежние мечтанья
В душе моей ревниво я хранил
И жадно ждал отрадного свиданья,
И этот час желаемый пробил.

Пробил, когда, надломанный судьбою,
Устал я жить, устал я ждать любви
И позабыл измученной душою
Желания разбитые мои.

23 июля 1878

Иуда

I

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый
Христос моления воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах его лица,
И он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал –
И мир его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

II

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голгофу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты.
Над ним, подобно великанам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели

Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели
С своей безбрежной вышины.
Но третий крест был пуст. Другими
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

III

Чье затаенное рыданье
Звучит у среднего креста?
Кто этот человек? Странное
Горит в чертах его лица.
Быть может, с жаждой исцеленья
Он из далеких стран спешил,
Чтоб Иисус его мученья
Всесильным словом облегчил?
Уж он готовился с мольбою
Упасть к ногам Христа – и вот
Вдруг отовсюду узнает,
Что тот, кого народ толпою
Недавно как царя встречал,
Что тот, кто свет зажег над миром,
Кто не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал, –
Погиб, заброшенный презреньем,
Измятый пыткой и мученьем!..
Быть может, тайный ученик,
Склонясь усталой головою,
К кресту Учителя приник
С тоской и страстной мольбою?
Быть может, грешник непрощенный
Сюда, измученный, спешил,
И здесь, коленопреклоненный,
Свое раскаянье излил? –
Нет, то Иуда!.. Не с мольбой
Пришел он – он не смел молиться
Своей порочною душой;
Не с телом Господа проститься
Хотел он – он и сам не знал,
Зачем и как сюда попал.

IV

Когда на муку обреченный,
Толпой народа окруженный
На место казни шел Христос
И крест, изнемогая, нес,
Иуда, притаившись, видел
Его страдания и сознал,
Кого безумно ненавидел,
Чью жизнь на деньги променял.
Он понял, что ему прощенья
Нет в беспристрастных небесах, —
И страх, бессильный рабский страх,
Угрюмый спутник преступленья,
Вселился в грудь его. Всю ночь
В его больном воображеньи
Вставал Христос. Напрасно прочь
Он гнал докучное виденье;
Напрасно думал он уснуть,
Чтоб все забыть и отдохнуть
Под кровом молчаливой ночи:
Пред ним, едва сомкнет он очи,
Все тот же призрак роковой
Встает во мраке, как живой! —

V

Вот Он, истерзанный мученьем,
Апостол истины святой,
Измятый пыткой и презреньем,
Распятый буйною толпой;
Бог, осужденный приговором
Слепых, подкупленных судей!
Вот он!.. Горит немой укором
Небесный взор его очей.
Венец любви, венец терновый
Чело Спасителя язвит,
И, мнится, приговор суровый
В устах разгневанных звучит...
«Прочь, непорочное виденье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на час, хоть на мгновенье
Не жить... не помнить... отдохнуть...
Смотри: предатель твой рыдает
У ног твоих... О, пощади!
Твой взор мне душу разрывает...
Уйди... исчезни... не гляди!..
Ты видишь: я готов слезами
Мой поцелуй коварный смыть...

О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Бог... Ты можешь все простить!
.....
А я? я знал ли сожаленье?
Мне нет пощады, нет прощенья!»

VI

Куда уйти от черных дум?
Куда бежать от наказания?
Устала грудь, истерзан ум,
В душе – мятежные страдания.
Безмолвно в тишине ночной,
Как изваянье, без движенья,
Все тот же призрак роковой
Стоит залогом осужденья...
И здесь, вокруг, горя луной,
Дыша весенним обаяньем,
Ночь разметалась над землей
Своим задумчивым сияньем.
И спит серебряный Кедрон,
В туман прозрачный погружен...

VII

Беги, предатель, от людей
И знай: нигде душе твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Где б ни был ты, везде с тобой
Пойдет твой призрак роковой
Залогом мук и осужденья.
Беги от этого креста,
Не оскверняй его лобзаньем:
Он свят, он освящен страданьем
На нем распятого Христа!
.....
И он бежал!..
.....

VIII

Полнебосклона
Заря пожаром обняла
И горы дальнего Кедрона
Волнами блеска залила.
Проснулось солнце за холмами
В венце сверкающих лучей.
Все оживо... шумит ветвями
Лес, гордый великан полей,
И в глубине его струями
Гремит серебряный ручей...
В лесу, где вечно мгла царит,
Куда заря не проникает,
Качаясь, мрачный труп висит;
Над ним безмолвно расстилает
Осина свой покров живой
И изумрудною листвою
Его, как друга, обнимает.
Погиб Иуда... Он не снес
Огня глухих своих страданий,
Погиб без примиренных слез,
Без сожалений и желаний.
Но до последнего мгновенья
Все тот же призрак роковой
Живым упреком преступленья
Пред ним вставал во тьме ночной.
Все тот же приговор суровый,
Казалось, с уст Его звучал,
И на челе венец терновый,
Венец страдания лежал!

1879

«Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею...»

Осень, поздняя осень!.. Над хмурой землею
Неподвижно и низко висят облака;
Желтый лес отуманен свинцовой мглой,
В желтый берег без умолку бьется река...
В сердце – грустные думы и грустные звуки,
Жизнь, как цепь, как тяжелое бремя, гнетет.
Призрак смерти в тоскующих грезах встает,
И позорно упали бессильные руки...

Это чувство – знакомый недуг: чуть весна
Ароматно повеет дыханием мая,
Чуть проснется в реке голубая волна
И промчится в лазури гроза молодая,
Чуть в лесу соловей про любовь и печаль
Запоет, разгоняя туман и ненастье, –
Сердце снова запросится в ясную даль,
Сердце снова поверит в далекое счастье...

Но скажи мне, к чему так ничтожно оно,
Наше сердце, – что даже и мертвой природе
Волновать его чуткие струны дано,
И то к смерти манить, то к любви и свободе?..
И к чему в нем так беглы любовь и тоска,
Как ненастной и хмурой осенней порою
Этот белый туман над свинцовой рекою
Или эти седые над ней облака?

1880

«Вся в кустах утонула беседка...»

Вся в кустах утонула беседка;
Свежей зелени яркая сетка
По стенам полусгнившим ползет,
И сквозь зелень в цветное оконце
Золотое весеннее солнце
Разноцветным сиянием бьет.
В полумраке углов – паутина;
В дверь врываются ветви жасмина,
Заслоняя дорогу и свет;
Круглый стол весь исписан стихами,
Весь исчерчен кругом вензелями,
И на нем позабытый букет...

1880

«Душа наша – в сумраке светоч приветный...»

Душа наша – в сумраке светоч приветный.
Шел путник, зажег огонек золотой, –
И ярко горит он во мгле беспросветной,
И смело он борется с вьюгой ночной.
Он мог бы согреть – он так ярко сияет,
Мог путь озарить бы во мраке ночном,
Но тщетно к себе он людей призывает, –
В угрюмой пустыне все глухо кругом...

1880

Памяти Ф. М. Достоевского

Когда в час оргии, за праздничным столом
Шумит кружок друзей, беспечно торжествуя,
И над чертогами, залитыми огнем,
Внезапная гроза ударит, негодуя, –
Смолкают голоса ликующих гостей,
Бледнеют только что смеявшиеся лица, –
И, из полубогов вновь обратясь в людей,
Трепещет Валтасар и молится блудница.

Но туча пронеслась, и с ней пронесся страх...
Пир оживает вновь: вновь раздаются хоры,
Вновь дерзкий смех звучит на молодых устах,
И искрятся вином тяжелые амфоры;
Порыв раскаянья из сердца изгнан прочь,
Все осмеять его стараются скорее, –
И праздник юности, чем дальше длится ночь,
Тем все становится развратней и пошлее!..

Но есть иная власть над пошлостью людской,
И эта власть – любовь!.. Создания искусства,
В которых теплится огонь ее святой,
Сметают прочь с души позорящие чувства;
Как благодатный свет, в эгоистичный век
Любовь сияет всем, все язвы исцеляет, –
И не дрожит пред ней от страха человек,
А край одежд ее восторженно лобзает...

И счастлив тот, кто мог и кто умел любить:
Печальный терн его прочней, чем лавр героя,
Святого подвига его не позабыть
Толпе, исторгнутой из мрака и застоя.
На смерть его везде откликнутся друзья,
И смерть его везде смутит сердца людские,
И в час разлуки с ним, как братская семья,
Над ним заплачет вся Россия!..

1881

«Если любить – бесконечно томиться...»

Если любить – бесконечно томиться
Жаждой лобзаний и знойных ночей, –
Я не любил – я молился пред ней
Так горячо, как возможно молиться.
Слово привет на чистых устах,
Не оскверненных ни злобой, ни ложью,
Все, что, к ее преклоненный подножью,
Робко желал я в заветных мечтах...
Может быть, тень я любил: надо мной,
Может быть, снова б судьба насмеялась
И оскверненное сердце бы сжалось
Новым страданьем и новой тоской.
Но я устал... Мне наскучило жить
Пошлою жизнью; меня увлекала
Гордая мысль к красоте идеала,
Чтоб, полюбив, без конца бы любить...

1882

«Не вини меня, друг мой, – я сын наших дней...»

Не вини меня, друг мой, – я сын наших дней,
Сын раздумья, тревог и сомнений:
Я не знаю в груди беззаветных страстей,
Безотчетных и смутных волнений.
Как хирург, доверяющий только ножу,
Я лишь мысли одной доверяю, –
Я с вопросом и к самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!..
Ты прекрасна в порыве твоём молодом,
С робкой нежностью первых признаний,
С теплой верой в судьбу, с детски ясным челом
И огнем полудетских лобзаний;
Ты сильна и горда своей страстью, – а я...
О, когда б ты могла, дорогая,
Знать, как тягостно борется дума моя
С обаяньем наставшего рая,
Сколько шепчет она мне язвительных слов,
Сколько старых могил разрывает,
Сколько прежних, развеянных опытом снов
В скорбном сердце моем подымает!..

1883

«Давно в груди моей молчит негодование...»

Давно в груди моей молчит негодование.
Как в юности, не рвусь безумно я на бой.
В заветный идеал поблекло упование,
И, отдаленных гроз слышав громыханье,
Я рад, когда они проходят стороной.

Их много грудь о грудь я встретил, не бледнея.
Я прежде не искал, — я гордо ждал побед.
Но ближе мой закат — и сердце холоднее,
И встречному теперь я бросить рад скорее
Не дерзкий зов на бой, а ласковый привет.

Я неба на земле искать устал... Сомненья
Затмили тучею мечты минувших дней.
Мне мира хочется, мне хочется забвенья.
Мой меч иззубрился, и голос примиренья
Уж говорит со мной в безмолвии ночей.

Весна 1883

«Только утро любви хорошо: хороши...»

Только утро любви хорошо: хороши
Только первые, робкие речи,
Трепет девственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и беглые встречи,
Перекрестных намеков и взглядов игра,
То надежда, то ревность слепая;
Незабвенная, полная счастья пора,
На земле – наслаждение рая!..
Поцелуй – первый шаг к охлаждению: мечта
И возможной, и близкою стала;
С поцелуем роняет венки чистота,
И кумир низведен с пьедестала;
Голос сердца чуть слышен, зато говорит
Голос крови и мысль опьяняет:
Любит тот, кто безумней желаньем кипит,
Любит тот, кто безумней лобзает...
Светлый храм в сладострастный гарем обращен.
Смокли звуки священных молений,
И греховно-пылающий жрец распален
Знойной жаждой земных наслаждений.
Взгляд, прикованный прежде к прекрасным очам
И горевший стыдливой мольбою,
Нагло бродит теперь по открытым плечам,
Обнаженным бесстыдной рукою...
Дальше – миг наслаждения, и пышный цветок
Смят и дерзостно сорван, и снова
Не отдаст его жизни кипучий поток,
Беспощадные волны былого...
Праздник чувства окончен... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

1883

«Довольно я кипел безумной суетою...»

Довольно я кипел безумной суетою,
Довольно я сидел, склонившись за трудом.
Я твой, родная глушь, я снова твой душою,
Я отдохнуть хочу в безмолвии твоём!..
Не торопись, ямщик, – дай надышаться вволю!..
О, ты не испытал, что значит столько лет
Не видеть ни цветов, рассыпанных по полю,
Ни рощи, пеньем птиц встречающей рассвет!
Не радостна весна средь омута столицы,
Где бледный свод небес скрыт в дымовых клубках,
Где задыхаешься, как под плитой гробницы,
На тесных улицах и в каменных домах!
А здесь – какой простор! Как весело ныряет
По мягким колеям гремющий наш возок,
Как нежно и свежо лесок благоухает,
Под золотом зари березовый лесок...
Вот спуск... внизу ручей. Цветущими ветвями
Душистые кусты поникли над водой,
А за подъемом даль, зелеными полями
Раскинувшись, слилась с небесной синевой.

1884

«Наше поколение юности не знает...»

Наше поколение юности не знает,
Юность стала сказкой миновавших лет;
Рано в наши годы дума отравляет
Первых сил размах и первых чувств рассвет.
Кто из нас любил, весь мир позабывая?
Кто не отрекался от своих богов?
Кто не падал духом, рабски унывая,
Не бросал щита перед лицом врагов?
Чуть не с колыбели сердцем мы дряхлеем,
Нас томит безверье, нас грызет тоска...
Даже пожелать мы страстно не умеем,
Даже ненавидим мы исподтишка!..

О, проклятье сну, убившему в нас силы!
Воздуха, простора, пламенных речей, –
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всем биеньем нервов, всем огнем страстей!
О, проклятье стонам рабского бессилья!
Мертвых дней унынья после не вернуть!
Загоритесь, взоры, развернитесь, крылья,
Закипи порывом, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу с пороком,
Сердце с братским сердцем и с рукой рука, –
Пусть никто не может вымолвить с упреком:
«Для чего я не жил в прошлые века!..»

1884

«Как каторжник влачит оковы за собой...»

Как каторжник влачит оковы за собой,
Так всюду я влачу среди моих скитаний
Весь ад моей души, весь мрак пережитой,
И страх грядущего, и боль воспоминаний...
Бывают дни, когда я жалок сам себе:
Так я беспомощен, так робок я, страдая,
Так мало сил во мне в лицо моей судьбе
Взглянуть без ужаса, очей не опуская...
Не за себя скорблю под жизненной грозой:
Не я один погиб, не находя исхода;
Скорблю, что я не мог всей страстью, всей душой
Служить тебе, печаль родимого народа!
Скорблю, что слабых сил беречь я не умел,
Что, полон святостью заветного стремленья,
Я не раздумывал, я не жил, – а горел,
Богатствами души соря без сожаленья;
И в дни, когда моя родная сторона
Полна уныния, смятенья и испуга, –
Чтоб в песне вылиться, душа моя должна
Красть редкие часы у жадного недуга.
И больно мне, что жизнь бесцельно догорит,
Что посреди бойцов – я не боец суровый,
А только стонущий, усталый инвалид,
Смотрящий с завистью на их венец терновый...

27 июля 1884

Федор Сологуб (1863–1927)

«Люблю тебя, твой милый смех люблю...»

Люблю тебя, твой милый смех люблю,
Люблю твой плач и быстрых слез потоки.
И нежные, краснеющие щеки, —
Но у тебя любви я не молю.

И, может быть, я даже удивлю
Тебя, когда прочтешь ты эти строки.
Мои мечты безумны и жестоки,
И каждый раз, как взор я устремлю

В твои глаза, отравленное жало
Моей тоски в тебя вливает яд.
Не знаешь ты, к чему зовет мой взгляд.

И он страшит, как острие кинжала.
Мою любовь ты злобой назовешь,
И, может быть, безгрешно ты солжешь.

«Я – бог таинственного мира...»

Я – бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.
Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896

«Люблю блуждать я над трясинною...»

Люблю блуждать я над трясинною
Дрожащим огоньком,
Люблю за липкой паутиною
Таиться пауком,
Люблю летать я в поле оводом
И жалить лошадей,
Люблю быть явным, тайным поводом
К мучению людей.

Я злой, больной, безумно мстительный.
Зато томлюсь и сам.
Мой тихий сон, мой вопль медлительный –
Укоры небесам.
Судьба дала мне плоть растленную,
Отравленную кровь.
Я возлюбил мечтою пленною
Безумную любовь.

Мои порочные томления,
Все то, чем я прельщен, –
В могучих чарах наваждения
Многообразный сон.
Но он томит больной обидою.
Идти путем одним
Мне тесно. Всем во всем завидую
И стать хочу иным.

1902

Ирина

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду;
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод;гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты
Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, –
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод,

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1892

Расточитель

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, незащищен и наг.

И прошу я у милого Бога,
Как никто никогда не просил:
– Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст,
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожделенней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!

«Пылают мрачно адовы...»

Пылают мрачно адовы
Разверстыя врата.
Святая в кольца гадовы
Обитель обвита.
Над тихою лампадою
Померкла синева.
Под старую оградою
Огнем сожглась трава.

Но чую дуновение
Прохладных райских рос
И знаю – в дни гонения
Придет к земле Христос.
Свершатся упования,
Крестом мы победим,
И вражьи беснования
Развеются, как дым.

26 января 1918

Вячеслав Иванов (1866–1949)

Ясность

Вл. С. Калабину

Ясно сегодня на сердце, на свете!
Песням природы в согласном привете
Внемлю я чуткой душой.
Внемлю раздумью и шепоту бора,
Речи безмолвной небесного взора,
Плеску реки голубой.

Смолкли, уснули, тревожны, угрюмы,
Старые Сфинксы – вечные думы,
Движутся хоры пленительных грез,
Нет своей радости, нет своих слез.

Радости чуждой, чуждой печали
Сердце послушно. Ясны,
Взорам доверчивым въяве предстали
Воображенья волшебные дали,
Сердца манящие сны.

1885 (?)

Русский ум

Своенаачальный, жадный ум, –
Как пламень, русский ум опасен:
Так он не удержи́м, так ясен,
Так весел он – и так угрюм.

Подобный стрелке неуклонной,
Он видит полюс в зыбь и муть,
Он в жизнь от грезы отвлеченной
Пугливой воле кажет путь.

Как чрез туманы взор орлиный
Обслеживает прах долины,
Он здраво мыслит о земле,
В мистической купаясь мгле.

1890

Поэты духа

Снега, зарей одеты
В пустынях высоты,
Мы – Вечности обеты
В лазури Красоты.

Мы – всплески рдяной пены
Над бледностью морей.
Покинь земные плены,
Воссядь среди царей!

Не мни: мы, в небе тая,
С землей разлучены, –
Ведет тропа святая
В заоблачные сны.

1904

ОЗИМЬ

Как осенью ненастной тлеет
Святая озимь, – тайно дух
Над черною могилой реет,
И только душ легчайший слух

Незадрожавший трепет ловит
Меж косных глыб, – так Русь моя
Немотной смерти прекословит
Глухим зачатием бытия...

1904

Раскаяние

Мой демон! Ныне ль я отринут?
Мой страж, я пал, тобой покинут!
Мой страж, меня ты не стерег –
И враг пришел и превозмог!..

О нет, мой демон! Боль позора
Родит притворный гнев укора!
Я внял твой зов, – прийти ж не мог,
Зане был наг и был убог.

Давно ль тебе, невинен, волен,
Как фарисей – самодоволен,
Давал я гордый мой зарок –
На вечный срок?.. На вечный срок!

Так торжествует, сбросив цепи,
Беглец, достигший вольной степи.
Но ждет его звенящих ног
Застенка злейшего порог.

<1904>

Полнота

Душа, – когда ее края
Исполнит солнечная сила, –
Глубокий полдень затая,
Не знает действенного пыла.
Ревнив божественный покой.
Как свет – безмолвие обильных.
Как солнце – их любовь: какой
Мил солнцу цвет лугов умильных?
Безбрачной волей красоты
Кто пьян, как оный нищий скряга,
Почий, как в чаше полноты
Миры объемлющая влага.

<1904>

Хвала солнцу

О Солнце! Вожатый ангел Божий
С расплавленным сердцем в разверстой груди!
Куда нас влечешь ты, на нас непохожий,
Пути не видящий пред собой впереди?

Предвечный солнца сотворил и планеты.
Ты – средь ангелов-солнц! Мы – средь темных
планет...
Первозданным светом вы, как схимой, одеты:
Вам не светят светы, – вам солнца нет!

Слепцы Любви, вы однажды воззрели,
И влечет вас, приливом напухая в груди,
Притяженный пламень к первоизбранной цели, –
И пути вам незримы в небесах впереди.

И в расплавленном лоне пока не иссякла
Вихревой пучины круговратная печь, –
Нас, зрящих и темных, к созвездью Геракла,
Вожатый-слепец, ты будешь влечь!

Любовью ты будешь истекать неисчерпной
К созвездью родному, – и влечь, и – влечь!
В веках ты поволил венец страстотерпный
Христа-Геракла своим наречь!

<1904>

Раскол

Как плавных волн прилив под пристальной луной,
Валун охлынув, наплывает
И мель пологую льняною пеленой
И скал побеги покрывает, –
Былою белизной душа моя бела
И стелет бледно блеск безбольный,
Когда пред образом благим твоим зажгла
Любовь светильник богомольный...
Но дальний меркнет лик – и наг души раскол,
И в ропотах не изнеможет:
Во мрак отхлынул вал, прибрежный хаос гол,
Зыбь роет мель и скалы гложет.

<1906>

Целящая

Диотиме

Довольно солнце рдело,
Багрилось, истекало
Всей хлынувшею кровью:
Ты сердце пожалела,
Пронзенное любовью.

Не ты ль ночного друга
Блудницею к веселью
Звала, зазвав – ласкала?
Мерца, как Милитта,
Бряца, как Кибела...
И мирром омывала,
И льнами облекала
Коснеющие члены?..

Не ты ль над колыбелью
Моею напевала –
И вновь расторгнешь плены?..
Не ты ль в саду искала
Мое святое тело,
Над Нилом – труп супруга?..
Изида, Магдалина,
О росная долина,
Земля и мать, Деметра,
Жена и мать земная!

И вновь, на крыльях ветра,
Сестра моя ночная,
Ты поднялась с потоков,
Ты принеслась с истоков,
Целительною мглюю!
Повила Солнцу раны,
Покрыла Световита
Волшебной пеленою!

Окутала в туманы
Желающее око...
И, тусклый, я не вижу,
Дремлю и не томлю я,
Кого так ненавижу –
За то, что так люблю я.

<1906>

Истома

И с вами, кущи дремные,
Туманные луга,
Вы, темные, поемные,
Парные берега, –
Я слит ночной любовью,
Истоймой ветерка,
Как будто дымной кровию
Моей бежит река!
И, рея огнесклонами
Мерцающих быстрин,
Я – звездный сев над лонами
Желающих низин!
И, пьян дремой бессонною,
Как будто стал я сам
Женою темнолонною,
Отверстой небесам.

<1906>

К. Бальмонту

Не все назвал я, но одно пристрастье
Как умолчу? Тебе мой вздох, Бальмонт!..
Мне вспомнился тот бард, что Геллеспонт
Переплывал: он ведал безучастье.
Ему презренно было самовластье,
Как Антигоне был презрен Креонт.
Страны чужой волшебный горизонт
Его томил... Изгнанника злосчастье –

Твой рок!.. И твой – пловца отважный хмель!
О, кто из нас в лирические бури
Бросался, наг, как нежный Лионель?

Любовника луны, дитя лазури,
Тебя любовь свела в кромешный ад, –
А ты нам пел «Зеленый Вертоград».

1909

Сердце Диониса

Осиян алмазной славой,
Снеговерхий, двоеглавый,
В день избранный – ясногранный,
за лазурной пеленой
Узкобрежной Амфитриты,
Где купаются хариты,
Весь прозрачностью повитый
И священной тишиной,
Ты предстал, Парнас венчанный,
в день избранный, предо мной!
Сердце, сердце Диониса под своим святым курганом,
Сердце отрока Загрея, обреченного Титанам,
Что, исторгнутое, рдея, трепетало в их деснице,
Действо жертвенное дея, скрыл ты в солнечной
гробнице
Сердце древнего Загрея, о таинственный Парнас!
И до дня, в который Гея, – мать-Земля сырая, Гея –
Как божественная Ниса, просветится, зеленея, –
Сердце Солнца-Диониса утаил от буйных нас.

<1910>

Троицын день

Дочь лесника незабудки рвала в осоке
В Троицын день;
Веночки плела над рекой и купалась в реке
В Троицын день...
И бледной русалкой всплыла в бирюзовом венке.

Гулко топор застучал по засеке лесной
В Троицын день;
Лесник с топором выходил за смолистой сосной
В Троицын день;
Тоскует и тужит и тешет он гроб смоляной.

Свечка в светлице средь темного леса блестит
В Троицын день;
Под образом блеклый веночек над мертвой грустит
В Троицын день.
Бор шепчется глухо. Река в осоке шелестит...

1911

Александру Блоку

1

Ты царским поездом назвал
Заката огненное диво.
Еще костер не отпылал
И розы жалят: сердце живо.
Еще в венце моем горю.
Ты ж, Феба список снежноликий,
Куда летишь, с такой музыкой,
С такими кликами?.. Смотрю
На легкий поезд твой – с испугом
Восторга! Лирник-чародей,
Ты повернул к родимым выюгам
Гиперборейских лебедей!
Они влекут тебя в лазури,
Звончатым отданы браздам,
Через мрак – туда, где молкнут бури,
К недвижным ледяным звездам.

2

Пусть вновь – не друг, о мой любимый!
Но братом буду я тебе
На веки вечные в родимой
Народной мысли и судьбе.
Затем, что оба Соловьевым
Таинственно мы крещены;
Затем, что обрученьем новым
С Единою обручены.
Убрус положен на икону:
Незримо тайное лицо.
Скользит корабль по синю лону:
На темном дне горит кольцо.

Лето 1912

Сонет из Петрарки

Nè per sereno ciel ir vaghe stelle...¹

Ни ясных звезд блуждающие станы,
Ни полные на взморье паруса,
Ни с пестрым зверем темные леса,
Ни всадники в доспехах средь поляны,
Ни гости с песнью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны, –
Ничто не тронет сердца моего.
Все погребло с собой мое светило,
Что сердцу было зеркалом всего.
Жизнь однозвучна. Зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.

1915

¹ Ни в ясном небе блуждающие звезды... (итал.)

Поэзия

Весенние ветви души,
Побеги от древнего древа,
О чем зашептались в тиши?
Не снова ль извечная Ева,
Нагая, встает из ребра
Дремотного первенца мира,
Невинное чадо эфира,
Моя золотая сестра?

Выходит и плещет в ладони,
Дивясь многозвездной красе,
Впивая вселенских гармоний
Все звуки, отзвучия все;
Лепечет, резвясь, Гесперидам:
«Кидайте мне мяч золотой».
И кличет морским nereидам:
«Плещитесь лазурью со мной».

Февраль 1915

Памяти Скрябина

1

Осиротела Музыка. И с ней
Поэзия, сестра, осиротела,
Потух цветок волшебный у предела
Их смежных царств, и пала ночь темней
На взморие, где новозданных дней
Всплывал ковчег таинственный. Истлела
От тонких молний духа риза тела,
Отдав огонь источнику огней.
Исторг ли Рок, орлицей зоркой рея,
У дерзкого святыню Прометея?
Иль персть опламенил язык небес?
Кто скажет: побежден иль победитель,
По ком, – немея кладбищем чудес, –
Шептаньем лавров плачет муз обитель?

2

Он был из тех певцов (таков же был Новалис),
Что видят в снах себя наследниками лир,
Которым на заре веков повиновались
Дух, камень, древо, зверь, вода, огонь, эфир.

Но между тем как все потомки признавались,
Что поздними гостями вошли на брачный пир, –
Заклятья древние, казалось, узнавались
Им, им одним опять – и колебали мир.

Так! Все мы помнили – но волил он и деял.
Как зодчий тайн, Хирам, он таинство посеял,
И Море Медное отлил среди двора.

«Не медли!» – звал он Рок, и зову Рок ответил.
«Явись!» – молил Сестру – и вот пришла Сестра.
Таким свидетельством пророка Дух отметил.

1915

Счастье

Солнце, сияя, теплом излучается:
Счастливо сердце, когда расточается.
Счастлив, кто так даровит
Щедрой любовью, что светлому чается,
Будто со всем он живым обручается.
Счастлив, кто жив и живит.

Счастье не то, что годиною случается
И с мимолетной годиною кончается:
Счастья не жди, не лови.
Дух, как на царство, на счастье венчается,
В счастье, как в солнце, навек облачается:
Счастье – победа любви.

20 июня 1917

Константин Бальмонт (1867–1942)

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.

Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.

Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от небес и земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

1894

В душах есть всё

1

В душах есть всё, что есть в небе, и много иного.
В этой душе создалось первозданное Слово!
Где, как не в ней,
Замыслы встали безмерною тучей,
Нежность возникла усладой певучей,
Совесть, светильник опасный и жгучий,
Вспышки и блески различных огней, –
Где, как не в ней,
Бури проносятся мысли могучей!
Небо – не там,
В этих кошмарных глубинах пространства,
Где создаю я и снова создам
Звезды, одетые блеском убранства,
Вечно идущих по тем же путям, –
Пламенный знак моего постоянства.
Небо – в душевной моей глубине,
Там, далеко, еле зримо, на дне.
Дивно и жутко – уйти в запредельность,
Страшно мне в пропасть души заглянуть,
Страшно – в своей глубине утонуть.
Все в ней слилось в бесконечную цельность,
Только душе я молитвы пою,
Только одну я люблю беспредельность,
Душу мою!

2

Но дикий ужас преступления,
Но искаженные черты, –
И это всё твои видения,
И это – новый – страшный – ты?

В тебе рождается величие,
Ты можешь бурями греметь,
Из бледной бездны безразличия
Извлечь и золото и медь.
Зачем же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину?
Зачем ты любишь все могильное

И всюду сеешь смерть одну?

И в равнодушии надменности,
Свой дух безмерно возлюбя,
Ты создаешь оковы пленности:
Мечту – рабу самой себя?

Ты – блеск, ты – гений бесконечности,
В тебе вся пышность бытия.
Но знак твой, страшный символ вечности –
Кольцеобразная змея!

Зачем чудовище – над бездною,
И зверь в лесу, и дикий вой?
Зачем миры, с их славой звездною,
Несутся в пляске гробовой?

3

Мир должен быть оправдан весь,
Чтобы можно было жить!
Душою – там, я сердцем – здесь.
А сердце как смирить?
Я узел должен видеть весь.
Но как распутать нить?

Едва в лесу я сделал шаг, –
Раздавлен муравей.
Я в мире всем невольный враг,
Всей жизнью своей,
И не могу не быть, – никак –
Вплоть до исхода дней.
Мое неделанье для всех
Покажется больным.
Проникновенный тихий смех
Развеется, как дым.
А буду смел – замучу тех,
Кому я был родным.

Пустынной полночью зимы
Я слышу вой волков,
Среди могильной душной тьмы –
Хрипенье стариков,
Гнилые хохоты чумы,
Кровавый бой врагов.

Забытый раненый солдат,

И стая хищных птиц,
Отца косой на сына взгляд,
Развратный гул столиц,
Толпы глупцов, безумный ряд
Животно-мерзких лиц.

И что же? Я ли создал их?
Или они меня?
Поэт ли я, сложивший стих,
Или побег от пня?
Кто демон низостей моих
И моего огня?
От этих тигровых страстей,
Змеиных чувств и дум –
Как стук кладбищенских костей,
В душе зловещий шум, –
И я бегу, бегу людей,
Среди людей – самум.

1899

«Слова любви, не сказанные мною...»

Слова любви, не сказанные мною,
В моей душе горят и жгут меня.
О, если б ты была речной волною,
О, если б я был первой вспышкой дня!

Чтоб я, скользнув чуть видимым сияньем,
В тебя проник дробящейся мечтой, –
Чтоб ты, моим блеснув очарованьем,
Жила своей подвижной красотой!

1898

Хвала сонету Сонет

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой.

Чей стан воздушный с грудью молодой
Хранит сиянье матового света,
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, —
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет, несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

1899

Безглагольность

Есть в русской природе усталая нежность,
Безмолвная боль затаенной печали,
Безвыходность горя, безгласность, безбрежность,
Холодная высь, уходящие дали.
Приди на рассвете на склон косогора, –
Над зябкой рекою дымится прохлада,
Чернеет громада застывшего бора,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.
Недвижный камыш. Не трепещет осока.
Глубокая тишь. Безглагольность покоя.
Луга убегают далеко-далеко.
Во всем утомленье, глухое, немое.
Войди на закате, как в свежие волны,
В прохладную глушь деревенского сада, –
Деревья так сумрачно-странно-безмолвны,
И сердцу так грустно, и сердце не радо.
Как будто душа о желанном просила,
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце простило, но сердце застыло,
И плачет, и плачет, и плачет невольно.

1900

«Она отдалась без упрека...»

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
– Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
– Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
– Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

«Я – изысканность русской медлительной речи...»

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

1901

«Будем как солнце! Забудем о том...»

Будем как солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному –
К новому, к сильному, к доброму, к злему –
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотении земном!
Будем, как солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое,
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимном покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как солнце, оно – молодое.
В этом завет красоты!

1902

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее,
И от птичьего крика
В сердце стало грустнее.
Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.
Солнце реже смеется,
Нет в цветах благовонья.
Скоро Осень проснется
И заплачет спросонья.

1905

«Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть...»

Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть,
Свет Луны они забыли, потеряли Млечный Путь.

Развенчав Царицу-Воду, отрекаясь от Огня,
Изменили всю Природу, замок Ночи, праздник Дня.

В тюрьмах дум своих, в сщепление зданий-склепов,
слов-могил
Позабыли о теченье Чисел, Вечности, Светил.

Но качнулось коромысло золотое в Небесах,
Мысли Неба, Звезды-Числа, брызнув, светят здесь
в словах.

Здесь мои избрали строки, пали в мой журчащий стих,
Чтоб звенели в нем намеки всех колодцев неземных.

Чтоб к Стихиям людям бледным показал
я светлый путь,
Чтобы вновь стихом победным в Царство Солнца
всех вернуть.

1905

Россия

Есть слово – и оно едино.
Россия. Этот звук – свирель.
В нем воркованье голубино.
Я чую поле, в сердце хмель,
Позвавший птиц к весне апрель.
На иве распустились почки,
Береза слабые листочки
Раскрыла – больше снег не враг,
Трава взошла на каждой кочке,
Заизумрудился овраг.
Тоска ли в сердце медлит злая?
Гони. Свой дух утихомирь.
Вновь с нами ласточка живая,
Заморского отвергшись края,
В родимую влюбилась ширь.
И сердце, ничего не зная,
Вновь знает нежно, как она,
Что луговая и лесная
Зовёт к раскрытости весна.
От солнца – ласка властелина,
Весь мир – одно окно лучу.
Светла в предчувствии долина.
О чем томлюсь? Чего хочу?
Всегда родимого взыскую,
Люблю разбег родных полей,
Вхожу в прогалину лесную –
Нет в мире ничего милей.
Ручьи, луга, болота, склоны,
В кустах для зайца уголок.
В пастушью дудку вдунул звоны,
Качнув подснежник, ветерок.
Весенним дождиком омочен,
Весенним солнцем разогрет,
Мой край в покров весны одет,
Нерукотворно беспорочен.
Другого в мире счастья нет.

1923

Моя любовь

Вступая в мир, мы в дом вступаем отчий,
Нас нежит мать, баюкает нас няня,
Роняет нам свой свет и отсвет счастье,
Родная речь промолвит нам: «Желанный!»,
Всех звезд в мечты нам набросает полночь,
Привет тебе, моя любовь, Россия!

Из всех былин желанней мне Россия,
Взгляд матери и кроткий голос отчий,
Заря с зарей им чуть раздельность – полночь,
Июнь прозрачный, что-то шепчет няня,
Дремлю, горит лампадки свет желанный,
И свет и тень – во всем ребенку счастье.

Галчонка принесли, какое счастье.
Простых подарков не сочтет Россия.
Кормить галчонка – пир души желанный,
С птенцом дитя играет в разум отчий,
И сказку мне рассказывает няня,
Что сокол – день, а ворон с галкой – полночь.

Смеясь, на волю выпустил я полночь
И сердцем знал, что в черных крыльях счастье,
О светлых птицах досказала няня,
Жар-птицей назвала себя Россия,
И разве не костер – вес дом мой отчий,
И разве не огонь – наш гость желанный!

Кто сделал так, что весь мой свет желанный
Упал в нерассекаемую полночь?
Из далей запредельных образ отчий
Вернет ли мне мое родное счастье?
Леса, поля, калина, степь – Россия,
На грани лет ты будешь ли мне – няня?

Там где-то между звезд чуть шепчет няня:
«Терпи, терпи, твое придет, желанный!»,
Тоска к тоске, мне мечет клич Россия,
Чтоб я не закреплял тоскою полночь.
И край чужой, мне не даруя счастья,
Дает мне страсть любить лишь край мой отчий.

Мой дом, мой отчий, лучших сказок няня,
Святыня, счастье, звук – из всех желанный,
Заря и полночь, я твой раб, Россия!

*Париж,
1926, 9 мая*

Зинаида Гиппиус (1869–1945)

Бессилие

Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью – над небесами –
И улететь к лазури не могу.

Не ведаю, восстать иль покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог – но не могу молиться,
Хочу любви – и не могу любить.

Я к солнцу, к солнцу руки простираю.
Я вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю –
И только для нее не знаю слов.

1893

Ты любишь?

Был человек. И умер для меня.
И, знаю, вспоминать о нем не надо.
Концу всегда, как смерти, сердце радо,
Концу земной любви – закату дня.

Уснувшего я берегу покой.
Да будет легкою земля забвенья!
Распались тихо старой цепи звенья...
Но злая жизнь меня свела – с тобой.

Когда бываем мы наедине –
Тот, мертвый, третий – вечно между нами.
Твоими на меня глядит очами
И думает тобою – обо мне.

Увы! в тебе, как и, бывало, в нем,
Не верность – но и не измена...
И слышу страшный, томный запах тлена
В твоих речах, движениях, – во всем.

Безогненного чувства твоего,
Чрез мертвеца в тебе, – не принимаю;
И неизменно-строгим сердцем знаю,
Что не люблю тебя, как и его.

1896

Сонет

Один я в келии неосвещенной.
С предутреннего неба, из окна,
Глядит немилая, холодная весна.
Но, неприветным взором не смущенной,
Своей душе, в безмолвие влюбленной,
Не страшно быть одной, в тени, без сна.
И слышу я, как шепчет тишина
О тайнах красоты невоплощенной.

Лишь неразгаданным мечтанья полны.
Не жду и не хочу прихода дня.
Гармония неслышная таится
В тенях, в нетрепетной заре... И мнится:
Созвучий нерожденных вокруг меня
Поют и плещут жалобные волны.

1897

Любовь

В моей душе нет места для страдания:
Моя душа – любовь.
Она разрушила свои желанья,
Чтоб воскресить их вновь.

В начале было Слово. Ждите Слова.
Откроется оно.
Что совершилось – да свершится снова,
И вы, и Он – одно.

Последний свет равно на всех прольется,
По знаку одному.
Идите все, кто плачет и смеется,
Идите все – к Нему.

К Нему придем в земном освобожденье,
И будут чудеса.
И будет все в одном соединеньи –
Земля и небеса.

1900

До дна

Тебя приветствую, мое поражение,
Тебя и победу я люблю равно;
На дне моей гордости лежит смирение,
И радость, и боль – всегда одно.

Над водами, стихнувшими в безмятежности
Вечера ясного, – все бродит туман.
В последней жестокости есть бездонность нежности
И в Божией правде – Божий обман.

Люблю я отчаяние мое безмерное,
Нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
Надо всякую чашу пить – до дна.

1901

Предел

Д. В. Филосову

Сердце исполнено счастьем желанья,
Счастьем возможности и ожидания, —
Но и трепещет оно и боится,
Что ожидание может свершиться...
Полностью жизни принять мы не смеем,
Тяжести счастья поднять не умеем,
Звуков хотим, — но созвучий боимся,
Праздным желаньем пределов томимся,
Вечно их любим, вечно страдая, —
И умираем, не достигая...

1901

ХРИСТИАНИН

По Ефрему Сирину

Все прах и тлен, все гниль и грех,
Позор – любовь, безумство – смех,
Повсюду мрак, повсюду смрад,
И проклят мир, и проклят брат.
Хочу оков, хочу цепей...
Идите прочь с моих путей!
К Нему – мой вздох, к Нему – мой стон,
В затвор иду – в затворе Он!

1901

«Я»

(От чужого имени)

Я Богом оскорблен навек.
За это я в Него не верю.
Я самый жалкий человек,
Я перед всеми лицемерю.
Во мне – ко мне – больная страсть:
В себя гляжу, сужу, да мерю...
О, если б сила! Если б – власть!
Но я, любя, в себя не верю.
И все дрожу и всех боюсь,
Глаза людей меня пугают...
Я не даюсь, я сторонюсь,
Они меня не угадают.
А все ж уйти я не могу;
С людьми мечтаю, негодую...
Стараясь скрыть от них, что лгу,
О правде Божией толкую, –
И так веду мою игру,
Хоть притворяться надоело...
Есмь только – я... И я – умру!
До правды мне какое дело?
Но не уйду, я слишком слаб,
В лучах любви чужой я греюсь;
Людей и лжи я вечный раб,
И на свободу не надеюсь.

Порой хочу я всех проклясть –
И лишь несмело обижаю...
Во мне – ко мне – больная страсть.
Люблю себя – и презираю.

1901

Что есть грех?

В. Ф. Нувелю

Грех – маломыслие и малодержанье,
Самонелюбие – самовлюбленность,
И равнодушное саморасеянье,
И успокоенная упоенность.

Грех – легкочувствие и легкодумье,
Полупроказливость – полуволнение.
Благоразумное полубезумие,
Полувнимание – полузабвенье.

Грех – жить без дерзости и без мечтания,
Не признаваемым и не гонимым.
Не знать ни ужаса, ни упования
И быть приемлемым, но не любимым.

К стыду и гордости – равнопрезрение...
Всему покорственный привет без битвы...
Тяжеле всех грехов – Богоубьение,
Жизнь без проклятия – и без молитвы.

1902

Нагие мысли

Темные мысли – серые птицы...
Мысль одинокая нас не живет:
Смех ли ребенка, луч ли денницы,
Струн ли дрожание – сердце молчит.

Не оясняют, но отдаляют
Мысли немые желанный ответ.
Ожесточают и угашают
Нашей природы божественный свет.
Тяжкие мысли – мысли сухие,
Мысли без воли – нецарственный путь.
Знаю свои и чужие грехи я,
Знаю, где можно от них отдохнуть.
Мы соберемся в скорби священной,
В дыме курений, при пламени свеч,
Чтобы смиренно и дерзновенно
В новую плоть наши мысли облечь.
Мы соберемся, чтобы хотеньем
В силу бессилие преобразить,
Веру – со знанием, мысль – с откровеньем,
Разум – с любовью соединить.

1902

Все кругом

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко тупое, всегда безобразное,
Медленно рвущее, мелко-нечестное,
Скользкое, стыдное, низкое, тесное,
Явно-довольное, тайно-блудливое,
Плоско-смешное и тошно-трусливое,
Вязко, болотно и тинно застойное,
Жизни и смерти равно недостойное,
Рабское, хамское, гнойное, черное,
Изредка серое, в сером упорное,
Вечно лежащее, дьявольски косное,
Глупое, сохлое, сонное, злостное,
Трупно-холодное, жалко ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное!

Но жалоб не надо; что радости в плаче?
Мы знаем, мы знаем: все будет иначе.

1904

Свобода

Я не могу покоряться людям.
Можно ли рабства хотеть?
Целую жизнь мы друг друга судим, –
Чтобы затем – умереть.
Я не могу покоряться Богу,
Если я Бога люблю.
Он указал мне мою дорогу,
Как от нее отступлю?
Я разрываю людские сети –
Счастье, унынье и сон.
Мы не рабы, – но мы Божьи дети,
Дети свободны, как Он.
Только взываю, именем Сына,
К Богу, Творцу Бытия:
Отче, вовек да будут едино
Воля Твоя и моя!

1904

Непредвиденное 1913

По Слову Извечно-Сущего
Бессменен поток времен.
Чую лишь ветер грядущего,
Нового мига звон.
С паденьем идет, с победою?
Оливу несет иль меч?
Лица его я не ведаю,
Знаю лишь ветер встреч.
Летят не здешними птицами
В кольцо бытия, вперед,
Миги с закрытыми лицами...
Как удержу их лет?
И в тесноте, в перекрестности, –
Хочу, не хочу ли я, –
Черную топь неизвестности
Режет моя ладья.

Тише

...Славны будут великие дела...

Ф. Сологуб

Поэты, не пишите слишком рано,
Победа еще в руке Господней.
Сегодня еще дымятся раны,
Никакие слова не нужны сегодня.
В часы неоправданного страдания
И нерешенной битвы
Нужно целомудрие молчанья
И, может быть, тихие молитвы.

Август 1914

«Петроград»

Кто посягнул на детище Петрово?
Кто совершенное деянье рук
Смел оскорбить, отняв хотя бы слово,
Смел изменить хотя б единый звук?

Не мы, не мы... Растерянная челядь,
Что, властвуя, сама боится нас!
Все мечутся, да чьи-то ризы делят,
И все дрожат за свой последний час.

Изменникам измены не позорны.
Придет отмщению своя пора...
Но стыдно тем, кто, весело-покорны,
С предателями предали Петра.

Чему бездарное в вас сердце радо?
Славянщине убогой? Иль тому,
Что к «Петрограду» рифм гулящих стадо
Крикливо льнет, как будто к своему?

Но близок день – и возгремят перуны...
На помощь, Медный Вождь, скорей, скорей!
Восстанет он, все тот же бледный, юный,
Все тот же – в ризе девственных ночей,

Во влажном визге ветренных раздолий
И в белоперистости вешних пург, –
Созданье революционной воли –
Прекрасно-страшный Петербург!

14 декабря 1914

Белое

Рождество, праздник детский, белый,
Когда счастливы самые несчастные...
Господи! Наша ли душа хотела,
Чтобы запылали зори красные?

Ты взыщешь, Господи, но с нас ли, с нас ли?
Звезда Вифлеемская за дымами алыми...
И мы не знаем, где Царские ясли,
Но все же идем ногами усталыми.

Мир на земле, в человеках благоволение...
Боже, прими нашу мольбу несмелую:
Дай земле Твоей умиренье,
Дай побеждающей одежду белую...

1914

Второе рождество

Белый праздник, – рождается предвечное Слово,
белый праздник идет, и снова –
вместо елочной, восковой свечи,
бродят белые прожекторов лучи,
мерцают сизые стальные мечи,
вместо елочной, восковой свечи.
Вместо ангельского обещанья,
пропеллера вражьего жужжанья,
подземное страданье ожиданья,
вместо ангельского обещанья.

Но вихрям, огню и мечу
покориться навсегда не могу,
я храню восковую свечу,
я снова ее зажгу
и буду молиться снова:
родись, предвечное Слово!
затеpli тишину земную,
обними землю родную...

1915

Страшное

Страшно оттого, что не живется – спится.
И все двоится, все четверится.
В прошлом грехов так неистово много,
Что и оглянуться страшно на Бога.

Да и когда замолить мне грехи мои?
Ведь я на последнем склоне круга...
А самое страшное, невыносимое, –
Это что никто не любит друг друга...

1916

Непоправимо

Н. Ястребову

Невозвратно. Непоправимо.
Не смоем водой. Огнем не выжжем.
Нас затоптал, – не проехал мимо!
Тяжелый всадник на коне рыжем.

В гуще вязнут его копыта,
В смертной вязи, неразделимой...
Смято, втоптанно, смешано, сбито –
Все. Навсегда. Непоправимо.

1916

Липнет

«Новой жизни» и пр.

Не спешите, подождите, соглашатели,
кровь влипчива, если застыла, —
пусть сначала красная демократия
себе добудет немножко мыла...
Детская-женская — особо въедчива,
вы потрите и под ногтями.
Соглашателям сесть опрометчиво
на Россию с пятнистыми руками.
Нету мыла — достаньте хоть месива,
чтобы каждая рука напоминала лилею...
А то смотрите: как бы не повесили
мельничного жернова вам на шею!

30 октября 1917

Сейчас

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!

Лежим, заплеваны и связаны,
По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, воители
Давно в бегах.
И только вьются согласители
В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными,
Не уползти!
Уж разобрал руками черными
Викжель – пути...

9 ноября 1917

Нет

Она не погибнет, – знайте!
Она не погибнет, Россия.
Они всколосятся, – верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, – верьте!
Но что нам наше спасенье:
Россия спасется, – знайте!
И близко ее воскресенье.

Февраль 1918

Валерий Брюсов (1873–1924)

Первый снег

Серебро, огни и блески, –
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это – область чьей-то грезы,
Это – призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым.
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Всемогущего игра,
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!

21 января 1895

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонкозвучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонкозвучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

Сонет к форме

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменев, живут потом века
В отточенной и завершенной фразе.

И я хочу, чтоб все мои мечты,
Дошедшие до слова и до света,
Нашли себе желанные черты.

Пусть мой друг, разрезав том поэта,
Упьется в нем и стройностью сонета,
И буквами спокойной красоты!

6 июня 1895

Предчувствие

Моя любовь – палящий полдень Явы,
Как сон разлит смертельный аромат,
Там ящеры, зрачки прикрыв, лежат,
Здесь по стволам свиваются удавы.

И ты вошла в неумолимый сад
Для отдыха, для сладостной забавы.
Цветы дрожат, сильнее дышат травы,
Чарует всё, всё выдыхает яд.

Идем: я здесь! Мы будем наслаждаться –
Играть, блуждать, в венках из орхидей,
Тела сплетать, как пара жадных змей!

День проскользнет. Глаза твои смежятся.
То будет смерть. – И саваном лиан
Я обовью твой неподвижный стан.

1895

Юному поэту

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты примешь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.

15 июля 1896

Тени прошлого

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля.
Близка в такие дни волна небытия,
И нет в моей душе ни дерзости, ни веры.
Мечте не унести в живительные сферы,
Несмело, как сквозь сон, стихи слагаю я.
Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц.
Есть много светлых дум, погибших, погребенных, –
Как странно вновь стоять у темных их гробниц
И мертвых заклинять безумными словами!
О тени прошлого, как властны вы над нами!

Апрель 1898

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

Я

Мой дух не изнемог во мгле противоречий,
Не обессилел ум в сцепленьях роковых.
Я все мечты люблю, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих.

Я возносил мольбы Астарте и Гекате,
Как жрец, стотельчих жертв сам проливал я кровь,
И после подходил к подножиям распятий
И славил сильную, как смерть, любовь.
Я посещал сады Ликеев, Академий,
На воске отмечал реченья мудрецов;
Как верный ученик, я был ласкаем всеми,
Но сам любил лишь сочетанья слов.
На острове Мечты, где статуи, где песни,
Я исследил пути в огнях и без огней,
То поклонялся тем, что ярче, что телесней,
То трепетал в предчувствии теней.
И странно полюбил я мглу противоречий,
И жадно стал искать сплетений роковых.
Мне сладки все мечты, мне дороги все речи,
И всем богам я посвящаю стих...

24 декабря 1899

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я убежал от пышных брашен,
От плясок сладострастных дев,
Туда, где мир уныл и страшен;
Там жил, прельщения презрев.

Бродил, свободный, одичалый,
Таился в норах давней мглы;
Меня приветствовали скалы,
Со мной соседили орлы.

Мои прозренья были дики,
Мой каждый день запечатлен;
Крылато-радостные лики
Глядели с довременных стен.
И много зим я был в пустыне,
Покорно преданный Мечте...
Но был мне глас. И снова ныне
Я – в шуме слов, я – в суете.
Надел я прежнюю порфиру,
Умастил мирром волоса.
Едва предстал я, гордый, пиру,
«Ты царь!» – решили голоса.
Среди цариц веселой пляски
Я вольно предызбрал одну:
Да обрету в желаньи ласки
Свою безвольную весну!
И ты, о мой цветок долинный,
Как стебель, повлеклась ко мне.
Тебя пленил я сказкой длинной...
Ты – наяву, и ты – во сне.
Но если, страстный, в миг заветный,
Заслышу я мой трубный звук, –
Воспряну! Кину клич ответный
И вырвусь из стесненных рук!

24 марта 1900

«Неколебимой истине...»

Неколебимой истине
Не верю я давно,
И все моря, все пристани
Люблю, люблю равно.

Хочу, чтоб всюду плавала
Свободная ладья,
И господа и дьявола
Хочу прославить я.

Когда же в белом саване
Усну, пускай во сне
Все бездны и все гавани
Чредою снятся мне.

1901

Облака

Облака опять поставили
Паруса свои.
В зыбь небес свой бег направили
Белые ладьи.
Тихо, плавно, без усилия
В даль без берегов
Вышла дружная флотилия
Сказочных пловцов.
И, пленяясь теми сферами,
Смотрим мы с полей,
Как скользят рядами серыми
Кили кораблей.
Но и нас ведь должен с палубы
Видеть кто-нибудь,
Чье желанье признавало бы
Этот вольный путь!

1902

Последнее желание

Где я последнее желание
Осуществлю и утолю?
Найду ль немыслимое знание,
Которое, таясь, люблю?
Приду ли в скит уединенный,
Горящий главами в лесу,
И в келью бред неутоленный
К ночной лампаде понесу?
Иль в городе, где стены давят,
В часы безумных баррикад,
Когда Мечта и Буйство правят,
Я слиться с жизнью буду рад?
Иль, навсегда приветив книги,
Веков мечтами упоен,
Я вам отдамся – миги! миги! –
Бездонный, многозвонный сон?
Я разных ратей был союзник,
Носил чужие знамена,
И вот опять, как алчный узник,
Смотрю на волю из окна.

Январь 1902

Нить Ариадны

Вперяю взор, бессильно жадный:
Везде кругом сырая мгла.
Каким путем нить Ариадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И зал круги, и лестниц винт,
Из мира солнца и свободы
Вступил я, дерзкий, в лабиринт.

В руках я нес клубок царевны,
Я шел и пел; тянулась нить.
Я счастлив был, что жар полдневный
В подземной тьме могу избыть.

И, видеv странные чертоги
И посмотрев на чудеса,
Я повернул на полдороге,
Чтоб выйти вновь под небеса,

Чтоб после тайн безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтоб целовать подругу в очи,
Прочтя заветные слова...

И долго я бежал по нити
И ждал: пахнет весна и свет.
Но воздух был всё ядовитей
И гуще тьма... Вдруг нити – нет.

И я один в беззвучном зале.
Мой факел пальцы мне обжег.
Завесой сумерки упали.
В бездонном мраке нет дорог.

Я, путешественник случайный,
На подвиг трудный обречен.
Мстит лабиринт! Святые тайны
Не выдает пришельцам он.

28 октября 1902

Блудный сын

Так отрок Библии, безумный расточитель...

Пушкин

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!
Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,
Мне снились тирские гетеры
И сонм сидонских мудрецов.
И вот, что грезилось, всё было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.
Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, свершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив.
Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.
И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!
Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, –
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!
О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безраздумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

Январь 1903

КИНЖАЛ

*Иль никогда на голос мщенья
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок...*

М. Лермонтов

Из ножен вырван он и блещет вам в глаза,
Как и в былые дни, отточенный и острый.
Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза,
И песня с бурей вечно сестры.

Когда не видел я ни дерзости, ни сил,
Когда все под ярмом клонили молча выи,
Я уходил в страну молчанья и могил,
В века, загадочно былые.

Как ненавидел я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зов к борьбе лишь хохотал порой,
Не веря в робкие призывы.

Но чуть слышал я заветный зов трубы,
Едва раскинулись огнистые знамена,
Я – отзыв вам кричу, я – песенник борьбы,
Я вторю грому с небосклона.

Кинжал поэзии! Кровавый молний свет,
Как прежде, пробежал по этой верной стали,
И снова я с людьми, – затем, что я поэт,
Затем, что молнии сверкали.

1903

Конь блед

*И се конь блед и сидящий на нем,
имя ему Смерть.*
Откровение, VI, 8

1

Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и шелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле – души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

2

И внезапно – в эту бурю, в этот адский шепот,
В этот воплотившийся в земные формы бред,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
Показался с поворота всадник огнеликий,
Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
В воздухе еще дрожали – отголоски, крики,
Но мгновенье было – трепет, взоры были – страх!
Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

3

И в великом ужасе, скрывая лица, – люди
То бессмысленно зывали: «Горе! с нами бог!»,
То, упав на мостовую, бились в общей груди...

Звери морды прятали, в смятение, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневещущему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас – от мора, глада и меча!»

4

Но восторг и ужас длились – краткое мгновение.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движение,
Было всё обычным светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.

Июль – декабрь 1903–1904

«Воздух становится синим...»

Воздух становится синим,
Словно разреженный дым...
Час упоительно мирный
Мы успокоенно минем,
Близясь к часам роковым.

Выгнулся купол эфирный;
Двигается мерно с Востока
Тень от ночного крыла;
В бездне бездонно-глубокой
Всё откровенное тонет,
Всюду – лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валом бессильных огней?
Черные всадники гонят
Черных быков миллионы, –
Стадо полночных теней!

1904

Сумерки

Горят электричеством луны
На выгнутых длинных стеблях;
Звенят телеграфные струны
В незримых и нежных руках;

Круги циферблатов янтарных
Волшебно зажглись над толпой,
И жаждущих плит тротуарных
Коснулся прохладный покой.

Под сетью пленительно зыбкой
Притих отуманенный сквер,
И вечер целует с улыбкой
В глаза – проходящих гетер.

Как тихие звуки клавира –
Далекие ропоты дня...
О сумерки! милостью мира
Опять упоите меня!

5 мая 1906

Хвала человеку

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети,
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,
Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.
Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещей молот,
Залил блеском города.
Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.
В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах
Пробежал державно ты.
Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов.

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь насытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.